

НАТАЛИЯ БОЙКО
Kijów

Принципы средневековой языковой политики в регионе *Slavia Latina*: латынь как способ социальной дифференциации

Среди социальных факторов развития языка важное место занимает такой экстралингвистический фактор, как целенаправленное влияние государства на языковое развитие многонационального социума. Язык всегда был одним из наиболее действенных инструментов власти, а корректируя языковую политику, государство получало возможность формирования определенных оценок и убеждений, ведь именно язык навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения, а языковое взаимодействие нередко определяется экстралингвистическими задачами.

Таким образом, социальные отношения, политическая ситуация, общественные и индивидуальные интересы находят свое отображение в языке. Язык, по утверждению Р. Блакара, является «инструментом социальной власти» [Блакар 1987, 92]. В.Г. Костомаров использует слово «вкус», определяя его как «непостоянный идеал употребления языка соответственно характеру эпохи» [Костомаров 1999, 32].

Довольно часто в ситуации двуязычия происходит употребление как письменно-литературного не своего, а чужого языка. Такую роль, например, отыгрывал арабский для иранских и тюркских народов, китайский – для корейцев, японцев, немецкий – для населения Прибалтики и Чехии [Исаевич 1976, 197].

Характерным явлением эпохи Средневековья и Возрождения для всех европейских стран, где употреблялся латинский язык, было возникновение специфического функционального билингвизма вследствие продолжительного взаимодействия нескольких языковых культур, когда в повседневной

жизни использовался родной язык, а нужды церкви, образования и науки обслуживала латынь; ей же отдавали предпочтение и в особых коммуникативных ситуациях.

На судьбу славянских народов с XII в. все большее влияние оказывает Западная Европа: именно западноевропейская модель была взята за основу развития политической, религиозной и культурной жизни. Латинский язык длительное время был языком образования и культуры. С помощью латыни Чехия, Польша и остальные страны славянского мира смогли приобщиться к сокровищам западноевропейской цивилизации. С момента учреждения первых университетов в конце XII в. в Париже, Болоньи и Оксфорде латынь стала доминирующей дисциплиной для преподавателей и студентов, что подтверждало ее престиж как на профессиональном, так и на бытовом уровне: «с развитием гуманистической образованности греческий и латинский языки получили общественный статус классических и культурных языков, которые входили в круг общего образования» [Мечковская, Супрун 1991, 164]. Русская исследовательница истории лингвистики Л. Степанова отмечает: «Универсальное значение латыни не нуждалось ни в каких специальных обоснованиях, поскольку она продолжала быть общеевропейским культурным языком» [Степанова 2000, 152].

Наиболее открытыми для влияния итальянского Возрождения в ареале *Slavia Latina* были сербы и хорваты. Молодежь из зажиточных семей получала образование в итальянских университетах, а некоторые из них впоследствии преподавали как в Италии, так и в других странах Европы. Образцы латинской и греческой античной лирики вдохновляли поэтов, которые объединялись в кружки, и писали свои собственные произведения на латинском языке [Grada... 1994, 246].

Чехия же оказалась ближе к центрам итальянского Возрождения прежде всего благодаря географическому положению. Преподавание латинского языка здесь имело давние крепкие традиции: с XII в. в чешских школах изучались классики римской литературы – Вергилий, Гораций, Овидий и пр. Характерной особенностью усвоения наследства античности в Чехии было стремление интегрировать древнюю культуру и использовать ее для обогащения культуры родной, а изучение латыни содействовало повышению статуса чешского языка. Латынь изучалась по грамматикам Доната и Прициана, составлялись списки глаголов и существительных с чешскими соответствиями и т. п. Предпринимались даже попытки восстановить чистоту классической латыни, очистить ее от более поздних наслоений. В 1491 году выходит в свет переработанная грамматика Доната, а в 1504 году в городе Оломоуц появляется первая грамматика для чехов Марка Рустинимикуса *Marci Rustinimici ad Moravorum pueritiam paedagogus grammatices*. Также издаются хрестоматии классических текстов и афоризмов (подробнее см. Мечковская 1991, 125–181). Видные представители мира чешской науки – Й. Кеплер, Т. Браге, Т. Гаек – пишут свои научные трактаты на латыни,

а родным языком пользуются лишь в популярных изданиях, как, например, гороскопы.

Наиболее же заметным было европейское влияние в Польше, где «лозунг *Italiam!* (К Италии!) прозвучал особенно громко» [Леваньский 1976, 27]. После основания в конце XIV в. первого польского университета в Кракове, усиливается позиция Польши как европейской державы. Деятельность университета содействовала росту престижа страны, а сам университет занимал в Европе первые позиции в области математики, астрономии и философии. В ситуации двуязычия статус латыни в Польше оставался неизменно высоким, а занятия классической филологией имели целью повышение общественного положения. Сравнительно с другими славянскими странами, ее политическая и культурная жизнь была наиболее латинизированной, а в некоторых сферах латынь отыгрывала исключительную роль. Так, знание латыни было необходимым для пребывания на государственных или церковных должностях. Как отмечает И. Огиенко, «на знание латинского языка вообще теперь обращено большее внимание, потому что он в Польше везде требовался», все просвещенные люди знали этот язык, «к тому времени язык науки и дипломатии» [Огиенко 2001, 157]. Именно в Польше «латинское» образование получило широкое распространение, а латынь – статус языка церкви, государства, науки, элиты.

Польский король Сигизмунд I приветствовал появление при своем дворе многочисленных европейских гуманистов. Особенно усилилось влияние итальянского Возрождения в Польше после 1518 года, когда король вступил в брак с итальянской принцессой Боней из известного рода Сфорца. Ее двор становится центром польского Возрождения. Примеру правителя подражали и его магнаты, канцлер Кшиштоф Шидловский, епископы Петр Томицкий, Ян Любранский и многие другие [Lempicki 1951]. Подобная благосклонность к европейским идеям закономерно привела к расцвету образования и культуры и началу «золотого века» (середина XVI – начало XVII вв.).

Со временем Польша стала для украинцев окном на Запад. Через польское посредничество украинская элита имела возможность приобщиться к достижениям западной культуры. Как отмечает известный чешский славист Ф. Дворник, «вестернизация древнерусских институтов и полонизация культурной жизни наиболее успешно происходили на Галицкой земле, которая оказалась под властью Польши уже во время правления Казимира III Великого (1333–1370). Хоть Казимир и сохранил автономный статус этой земли и обещал уважать ее религиозные и национальные традиции, польское влияние здесь неустанно возрастало. Короли жаловали здешние плодородные земли польской шляхте, и скоро ее стало так много, что она оккупировала все ключевые государственные должности. Это содействовало распространению на галицкую землю европейских феодальных институтов, и латынь постепенно вытеснила старославянский язык из официальной документации» [Дворник 2001, 417].

С конца XV в. влияние латинского языка во всех восточнославянских странах усиливается. Понемногу латинский язык охватил все сферы светской и духовной жизни, он стал языком школы, науки, правосудия, политики, литературы, правительственных канцелярий и т. п. Хроники, богословские трактаты, научные произведения, проповеди, поэзия – все это писалось на латыни. Знание латыни отличало просвещенного человека, «латинский язык был единственным орудием для выражения сложных мыслей просвещенных людей» [Голенищев-Кутузов 1963, 262], а «простой язык», *lingua vernacula*, исполнял служебную роль.

Такой высокий статус латыни объяснялся, прежде всего, влиянием христианской традиции: в V в. был осуществлен латинский перевод Библии и тем самым язык перевода получил освящение благодаря безоговорочному авторитету Святого Письма. Продолжительное время «церковь отождествлялась с латинским языком, используемым в литургии и теологии [...] Даже и не будучи глубоко осведомленными в античной науке, просвещенные духовные лица всюду разделяли идеи и образную символику латинской Библии, знали латинскую литургию и были приверженцами формальных кредо, записанных латынью. Подавляющее большинство обычных христиан не знали грамоты, но и они приобщались к общей религиозной культуре. Вопреки региональным отличиям в исповедовании христианского культа, каждый христианин был частицей фундаментальной и всюду одинаковой священной структуры, построенной на основаниях веры, которые лежали на грунте одной религии» [Лінч 1994, 162]. Неделимость веры и языка способствовала сакрализации последнего, а с принятием христианства западного обряда началось быстрое распространение латинской письменности среди населения, причем как среди его зажиточных привилегированных слоев, так и простого народа.

Светская власть начала активно использовать для своих земных нужд все знания, накопленные церковью, которая раньше считалась монополистом в области образования и культуры. При этом латинский язык, освященный авторитетом христианской религии, стал средством социальной дифференциации – его употребление как на официальном, так и на бытовом уровнях символизировало принадлежность к высшему классу общества. В Европе существовал ограниченный круг людей, которые говорили и писали не на каком-то народном языке, а на цистероновской латыни. В обществе произошло элитарное деление на просвещенных и необразованных, на *eruditi* (*litterati*) и *idiotae* (*illitterati*).

Обучение в европейских образовательных заведениях в значительной мере содействовало формированию новой элиты общества, роль которой в процессе усвоения достижений европейской культуры была руководящей.

Но сначала образование было домашним, поскольку знать не хотела отдавать своих детей в общие школы, где учились дети низших слоев. Латынь же изучали за историческими или художественными текстами, подобранными в зависимости от уровня успешности ученика. В значительной мере

ситуация изменилась с появлением элитных иезуитских коллегий, где благородных потомков готовили к будущей военной, политической или церковной карьере. Основным достижением таких школ было присвоение, по словам М. Грушевского, «культурных языков – латинского и греческого, – а латыни особенно, вплоть до свободного употребления в слове и письме» [Грушевский 1991, 451].

Стратегия социальной дифференциации была действенной государственной политикой, поскольку опиралась, прежде всего, на естественное желание человека изменить свой образ жизни, она определяла новые идеалы и ценности, – то есть все то, к чему надо было стремиться. Поскольку подавляющее большинство населения не имело возможности радикально влиять на существующее положение вещей, то для них достаточным было приобщиться лишь к главной части, той, которая признавалась приоритетной, а именно – языку, признанному как *lingua sacra*.

На бытовом уровне языковая сакрализация достигалась разными средствами, прежде всего использованием латыни в надписях, эмблемах, лозунгах и пр. как в официальных праздниках, так и в повседневной жизни. Принципиально новыми феноменами, невозможными для культуры церковной, стали общественные библиотеки и театры, парковая скульптура, карнавалы с яркими картинками и фейерверками. Все это производило большое впечатление, вызывало удивление и восторг. Простые люди стремились компенсировать с помощью языка, который является носителем определенных ценностей и идеалов, недовольство бытом и непосредственным окружением.

Со временем знание латинского языка больше не имело утилитарно-практического значения и не содействовало приумножению профессиональных умений и навыков, вместо того оно играло важную роль в укреплении общественного положения: «*Jestem szlachcicem, loquor Latine*» – слова героя известной трилогии Г. Сенкевича. Латынь становится условием занятия достойного места в обществе, содействует укреплению общественного положения. Латынь пронизывает светскую жизнь и начинает массово использоваться с целью укрепления позиций государства и подъема престижа как страны в целом, так и отдельных ее представителей, а старая церковная культура уступает место культуре светской, в основе которой лежала античная традиция.

Утратив со временем свою привлекательность для людей науки и искусства, отшлифованная и законсервированная латынь становится языковым идеалом, приобретает значение образцового языка, она «открыла немногим людям доступ к богатейшей литературной культуре Римской империи, культуре, которая периодически стимулировала развитие творческих потенций латинского Запада» [Лінч 1994, 162]. Полностью интегрированная в общественное образование, латынь была предметом «благородным». Отныне очень важно, входит ли она в программу обучения определенного заведения. Конечной целью образования было не воспитание латинистов или специали-

стов по классической филологии. Латынь символизировала принадлежность к тому классу общества, который позволял человеку тратить средства, время и силы на изучение того, что не было полезным ни в какой мере ни с профессиональной точки зрения, ни с точки зрения непосредственного практического употребления. Латынь изучали дети высших слоев общества, а тем, кто не принадлежал к высшему классу, в этой привилегии было отказано: ведь не имело смысла обучать языку тех, кто не нуждался в его знании. Дети из простонародья должны были получать образование в соответствии с их происхождением и будущей профессией, латынь же для этого им не требовалась.

Подобная ситуация привела к существованию двух типов образования – для высших слоев и простого народа. Например, во Франции еще в начале XVIII в. в школах существовало несколько разновидностей учебных мест: обычные столы для тех, кто умел читать и писать, простые скамьи для тех, кто умел лишь читать, и большие столы, поставленные на почетном месте, – за ними сидели те, кто изучал латынь [Lebrun, Venard, Quèniart 1981, 431]. В сфере медицины существовала четкая профессиональная дифференциация: аптекари, которые знали латынь, и знахари, которые ее, соответственно, не знали; знание латыни отличало тех, кто приобретал высшее образование, от учеников профессиональных и ремесленных мастерских.

Эта дифференциация прослеживалась тоже в более поздние времена, в XIX в. латынь не была нужна ни простым ремесленникам, ни инженерам, но продолжала служить показателем общественного статуса. Хотя знание латыни и не содействовало приумножению профессиональных умений и навыков, однако оно содействовало укреплению социального положения. Сначала латынь была языком, который объединял Европу с богатым наследством античности, и лишь избранные могли приобщиться к этому наследству посредством овладения языком древних римлян. Со временем латынь потеряла практическое значение и стала только признаком, который удостоверял принадлежность к элите общества.

Бенджамин Франклин сравнивал знание латыни и греческого со шляпой под мышкой у образования: когда прошла мода на парики, признаком изысканности стала шляпа, однако большинство людей не нуждалось в этом головном уборе и поэтому носили его преимущественно в руках, что служило причиной определенных неудобств и приносило лишние хлопоты. То же самое можем сказать и о латыни, трудной в изучении и лишней на практике, но позарез нужной элите [*Lacina...* 2004, 459].

Латинский язык стал универсальным средством международного общения, научного, литературного и церковного обращения. Он занял центральное место в системе европейского образования и длительное время оставался единственным письменным языком. Прежде чем стать языком церкви, латынь продолжительное время была языком цивилизации с высокоразвитой культурой, а это само по себе содействовало возникновению престижности ее использования. Благодаря связи с традицией, латинский язык наделялся

дополнительным ценностным содержанием: сначала он служил для выражения идеалов отдельных культурно значимых групп, а со временем и общества в целом. Употребление его часто объяснялось не столько практическими нуждами, сколько статусом самого языка, ставшего признаком принадлежности к элите общества.

Литература

- Блакар Р.М., 1987, *Язык как инструмент социальной власти*, [в:] *Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва: Прогресс, с. 88–124.
- Голенищев-Кутузов И.Н., 1963, *Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков*, Москва: Изд-во АН СССР.
- Грушевський М.С., 1991, *Історія України-Руси*: В 11 т., 12 кн., т. 6, Київ: Наук. думка.
- Дворник Ф., 2001, *Славяне в европейской истории и цивилизации*, Москва: Языки славянской культуры.
- Исаевич Я.Д., 1976, *Украинско-польские связи в истории книгопечатания*, [в:] *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI веке*, Москва: Наука, с. 192–207.
- Костомаров В.Г., 1999, *Языковой вкус эпохи*, Санкт-Петербург: Златоуст.
- Леванський Ю., 1976, *Старое и новое в польской литературе XVI в.*, [в:] *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.*, Москва: Наука, с. 12–31.
- Лінч Д.Г., 1994, *Середньовічна церква. Коротка історія*, Київ: Основи.
- Мечковская Н.Б., Супрун А.Е., 1991, *Знания о языке в средневековой культуре южных и западных славян*, [в:] *История лингвистических учений. Позднее Средневековье*, Санкт-Петербург: Наука, с. 125–181.
- Огієнко І., 2001, *Історія української літературної мови*, Київ: Наша культура і наука.
- Степанова Л.Г., 2000, *Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения)*, Санкт-Петербург: Изд-во РХГИБ.
- Grada za povijest književnosti hrvatske*, 1994, prired. I. Franges, D. Tadijanovic, Zagreb, Hrvatska akad. znanosti i umjetnosti.
- Lebrun F., Venard M., Quéniart J., 1981, *Histoire générale de l'enseignement et de l'éducation en France*, t. II: *De Gutenberg aux Lumières*, Paris.
- Łacina jako język elit*, 2004, koncepcja i redakcja naukowa Jerzy Axer, Warszawa.
- Łempicki S., 1951, *Renesans i Humanizm w Polsce. Materiały do studiów*, Warszawa: Czytelnik.

Principles of medieval linguistic policy are in the region of *Slavia Latina*: Latin as method of social differentiation

Summary

In the period of early medieval centuries on the fate of Slavonic people Western Europe has all greater influencing: exactly a western model was taken for basis of development of political, religious and cultural life, which was definitely related to progress in the field of trade, with considerable economic and cultural development.